

Яна Дубинянская

Финал новогодней пьесы

Яна Дубинянская

Финал новогодней пьесы

Дубинянская Я.

Финал новогодней пьесы / Я. Дубинянская —

Содержание

Яна Дубинянская	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Яна Дубинянская Финал новогодней пьесы

Журналисточка была весьма и весьма смазливая. Аккуратное овальное личико, атласная каштановая челочка до самых бровей, большие блестящие глаза с длиннющими ресницами и к тому же родинка над четко очерченной верхней губкой. Журналисточка то и дело задумчиво подносила шариковую ручку к маленькому роту, округляя его буквой «о», и, разумеется, знала, что выглядит в этот момент безумно сексуально.

А вообще-то, честно признала Марша, – она, эта журналисточка, была по-настоящему красивая.

И Франсис, естественно, не мог этого не заметить.

Журналисточка лукаво повела бровями, покусывая ручку, а Франсис небрежно пригладил указательным пальцем усы. Еще неделю назад там было нечего приглаживать, зато колело более чем чувствительно. Вспомнив об этом, Марша решила улыбнуться и больше не обращать внимания на барышню напротив. И вообще, следовало бы сосредоточиться.

Хотя Три мушкетера по-прежнему молчали, – несмотря на то, что в анонсе пресс-конференции упор делался именно на их имена. Но за длинным столом восседали также директор и главный режиссер театра, оба с юными пресс-секретаршами, тощая пожилая помреж и сценический красавец Артур Кларидж, – в миру, как оказалось, довольно потрепанный жизнью блеклый веснушчатый блондин, едва заметный за пришедшемся напротив него клубком проводов, микрофонов и диктофонов.

И все они с наслаждением разглагольствовали о предстоящей премьере и на смежные темы, греясь в лучах теплого желтого света над столом. В остальной части помещения свет был нормальный, белый, и снующие мимо Марши телеоператоры тихо ругались, поминутно меняя баланс камер. В подобные тонкости ее посвятил Франсис, за три года работы менеджером пресс-центра изучивший всю подноготную таких сборищ, как он это называл. Марша улыбнулась. Франсис сидел рядом, она видела его в профиль. Красивый, энергичный, стремительный. Ее мужчина.

А Три мушкетера молчали – такое чувство, что вся эта пресс-конференция забавляла их не меньше, чем Франсиса. Только в самом начале невысокий квадратный Филип Фальски объявил, что им, драматургам-соавторам, совершенно невыгодно заранее убивать интригу, пересказывая сюжет пьесы. И все. Дальше они не проронили ни слова.

Но Франсис говорил, что с пресс-конференции надо брать абсолютно все, а уже потом разбираться, что из взятого можно использовать. Что ж, Марша пыталась так и делать. С переменным успехом.

– Бен Уэст, Си-Эн-Би. У меня вопрос к господину директору. Прогнозируете ли вы, что новая пьеса даст большие сборы, нежели «Снежинка и Музыкант»? И если да, на чем основаны ваши предположения?

Директор театра говорил так быстро, словно отстреливался из пулемета, и Марша сокращала слова до одной буквы, понимая, что навряд ли потом поймет что-нибудь из этих записей. Она попыталась отыскать взглядом свой диктофон в общей груде звукозаписывающих устройств. Вроде бы удалось, только на нем одном была ярко-зеленая петелька, – но горит ли лампочка, отсюда все равно никак не разглядеть. И Марша – черт его знает, почему, – могла бы поклясться, что не горит.

– Тина Паркинсон, «Театральная жизнь». Когда вы планируете начать репетиции на большой сцене?

Журналисточка изящно перегнулась через стол и шепотом спросила Франсиса:

– Вы из какой газеты?

– «Древняя башня», – он и глазом не моргнул, называя страшно дорогой и элитарный столичный журнал. Барышня изумленно подняла тонкие бровки, и они скрылись за гладенькой, волосок к волоску, челкой. Ну как, скажите, можно уложить волосы настолько ровно? У Марши это никогда не получалось. Никогда.

– А я из «Обозрения», – шепнула журналисточка. – Вы, наверное, не знаете, это небольшая газета.

– Лу Эванс, «Светский вестник». Господин Кларидж, вы не впервые играете главную роль в пьесах, принадлежащих перу этих авторов. Скажите, чем для вас интересен новый образ и будет ли по-прежнему вашей партнершей...

На букве «р» в фамилии «Кларидж» в ручке кончилась паста. А актер, как назло, отвечал пространно, приводя любопытные подробности из собственной и чужой личной жизни. А впрочем, ну его. Ее интересуют прежде всего драматурги. Три мушкетера, и точка. Она прикрыла глаза и попыталась проговорить про себя подготовленный вопрос. «Марша Брассен, свободный журналист...»

– Интересно, должно быть, работать в таком журнале?

Шепот журналисточки звучал мягко, ласково, вкрадчиво. Прилизанная кошечка. Ее тонкие пальчики – естественно, с безупречным маникюром темно-вишневого цвета, – мелко барабанили по столу слишком близко к большой, узкой, благородной руке Франсиса. Ну сколько можно, в конце концов?

Марша протянула руку и положила сверху на его кисть. И с привычным ироническим удовлетворением оглядела на собственные пальцы – вот, как раз такие один писатель-классик называл похожими на сосиски. И маникюр никак не сделать, потому что ногти расходятся вверх в форме трапеции, и нижние фаланги заметно поросли мягкими рыжими волосками...

Зато на безымянном пальце, – или безымянной сосиске, если хотите, – обручальное кольцо.

Журналисточка заметила это и больше не интересовалась преимуществами работы в элитарном журнале «Древняя башня».

– Господа журналисты, время пресс-конференции подходит к концу. Последний вопрос, пожалуйста.

Марша вздрогнула. Как это?! Вопрос, ее вопрос... Тот самый, по которому Три мушкетера запомнят ее, оценят эрудицию и остроумие, и после никак не смогут отказать в эксклюзивном интервью... Интервью драматурги-соавторы давали редко, предпочитая отмалчиваться или отшучиваться на таких вот пресс-конференциях. Это должно было стать совсем неплохим началом журналистской карьеры Марши...

«Не тушуйся, не спи и ломись напролом, – сказал Франсис накануне. – Они все так делают, эти журналюги. Все у тебя получится.»

Она лихорадочно вскинула руку. Вопрос... Надо срочно вспомнить точную, красивую формулировку... «Марша Брассен, свободный жур...»

– Лара Штиль, «Обозрение». У меня вопрос к господам Мушкетерам. Откройте секрет, как это вы пишете втроем?

/.../

– Брысь, – с легким отвращением бросил Филип Фальски.

Неприятно, когда к только что выбравшейся из перчатки руке прикасается гладкий блестящий металл. Неприятно, когда этот металл теплее руки, – насекомообразное сооружение из тонких блестящих планок.

И вообще, неприятно.

Черт бы побрал Ала и все его мальчишеские штучки.

– Фу, Дизел! Ко мне!

Голос хозяина донесся чуть ли не с другого конца улицы. Филип никогда и не пытался понять причин, побудивших одинокого мужчину на первые же заработанные им большие деньги – с чьей помощью заработанные, это отдельный разговор, – приобрести эти безразмерные апартаменты в особняке позапрошлого века. Стены поднимались вверх метров на шесть, а комнат было восемь или девять, – может быть, и больше, – каждая площадью с небольшой танцевальный зал. Впрочем, мебель, насколько Филипу было известно, присутствовала только в прихожей, спальне и рабочем кабинете, что значительно облегчало работу двум барышням, которые поддерживали чистоту в этой холостяцкой квартирке. Филип часто сталкивался тут с ними, – одна была совсем молоденькая, а другая, брюнетка, выглядела лет на тридцать пять, – и был уверен, что Ал спит с обеими. Что, разумеется, черт возьми, разумеется, было его личным делом.

Однако «Жизнь и мечта» – общее дело. *Res publica*, как сказали бы в Древнем Риме. На вчерашней пресс-конференции, а особенно на последующих переговорах с директором театра Фальски чувствовал себя гладиатором на арене. Даже эта пигалица, не то Бетти, не то Пегги, директорская секретарша, зачем-то влезла в разговор и невиннейшим голоском сообщила, что и ей было бы «страх как интересно» почитать новую пьесу. Само собой, девчонку заранее проинструктировали проявить это, прямо скажем, неуместное любопытство. То есть, земля уже начинала потихоньку тлеть под ногами.

Конечно, он не в первый раз заключал договор на постановку еще не написанной вещи. Главное – перетасовать будущих партнеров так, чтобы каждый считал недостаточно информированным только себя и, соответственно, боялся в этом признаться. Актер на главную роль был уверен, что режиссер уже читал пьесу и потому взял на роль именно его, – кого же еще? – а режиссер, слушая разглагольствования звезды о новом образе, молча комплексовал, что какому-то актеру дали текст раньше, чем ему самому. И так далее, и так далее. Администрация же, как правило, и не стремилась ознакомиться с творческой стороной проекта, им хватало громких имен.

Но так далеко, как на этот раз, – с назначением даты премьеры, билетами и пресс-конференцией, – не заходило еще никогда.

Общее дело, как же. Вчера за всех отдувался он один.

– Фил, ну где ты там, проходи! – крикнул Альберт из глубин квартиры.

Филип отряхнул снег с бобровой шапки и повесил ее на разлапистый лосиный рог. Рогами была утыкана вся длинная прихожая: оленьими, буйволиными, антилопными, вообще непонятно чьими. Еще одно мальчишество Ала. Он завел коллекцию лет десять назад, еще в своей старой чердачной комнате. Они тогда удачно обыграли этот момент в пьесе «Мой милый муж» – спектакль давно сошел со сцены, но тогда это был их первый настоящий успех. А шуточки гостей Ала по поводу рогов не иссякали до сих пор, доставляя ему колоссальное удовольствие.

Филип прошел сквозь две смежные комнаты, абсолютно пустые – огромные коробки, ждущие, когда хозяин соизволит чем-нибудь их заполнить. До блеска натертый паркет и пыльная лепнина потолка, куда не так-то просто добраться уборщицам.

Альберт Сон сидел в кресле у камина, вытянув параллельно огню безразмерные ноги. Между потертыми джинсами и синими носками открывалось сантиметра три белой кожи, густо поросшей рыжими курчавыми волосами. Большой палец левой ноги выглядывал в дырку носка. Клетчатый свитер Ала с растянутым верхом тоже зиял прорехами минимум в двух местах, а лопатообразная рука лежала на блестящем нотном попитре.

Вернее, это попитр боязливо жался к хозяйской руке, чуть скосив набок тонкую металлическую перекладку для нот.

– Убери его, – попросил Филип.

– Ты становишься занудой, Фил, – безмятежно сообщил Альберт. – Хуже Шведа.

Но поднял-таки руку и протяжно свистнул.

– На место, Дизз!

Пюпитр засучил тремя блестящими ножками, издал пронзительный звук надорванной скрипичной струны и, мелко пританцовывая, засеменил в сторону спальни. У самых дверей он остановился, высоко подпрыгнул, смешно растопырив треножник, выдал длинную музыкальную руладу, несколько раз обернулся вокруг своей оси и боком скользнул в щель приоткрытой двери, которая тотчас захлопнулась за ним.

За этой дверью Филип не был. Никогда.

– Джо еще нет? – поинтересовался он.

– Как видишь, – Ал лениво потянулся. – Он звонил. Заменяет кого-то на уроке, опоздает минут на двадцать, – он зевнул. – Так что не гони лошадей, Фил.

Спокойно, приказал он себе, спокойно, двадцать минут ничего не решают, а умиротворенное выражение физиономии Сона – тем более. Хотя интересно было бы посмотреть, как бы он зевал, если б это ему пришлось вчера мирно беседовать с директором, секретарша которого воспылала интересом к драматургии. Филип незаметно прикусил губу. Спокойно, ты становишься чересчур дерганым, старик. Действительно хуже Сведена – так у того нервная работа и сварливая жена. Он, Фальски, избавлен хотя бы от второго.

– Садись, – предложил Альберт.

Стулья с массивными дубовыми ножками оказались у противоположной стены более чем просторного кабинета. Ал то и дело переставлял мебель с помощью своих девиц. Его личное дело, разумеется, – но мог бы и подумать, что сегодня придется работать, и работать втроем. Филип принес два стула – для себя и Джо, поставил у камина и сел, расправив фалды элегантного пиджака. Собственно, дело даже не в поведении Альберта. Раздражала квартира сама по себе – огромная, пустая, нелогичная, словно бы не имевшая четких границ. И все эти штучки, – Фил покосился в сторону спальни.

– Как оно работает? – спросил он машинально, помимо желания.

Ал приподнял домиком лохматые брови.

– «Оно» не работает. Он живет.

Естественно, не стоило спрашивать. И не в первый раз он в этом убеждался. Квартира, черт бы ее побрал, – но надо же где-то собираться. У Джозефа жена, дети, у него самого гостиничный номер, горничные эти, портье, коридорные. Остается Ал, ничего не поделаешь.

– Что ты вчера наговорил той газетчице? – поинтересовался он, круто меняя тему.

Сон улыбнулся одними прищуренными хитрыми глазами.

– Не переживай, ничего лишнего.

И добавил мечтательно:

– Но какая женщина, Фил!...

Дверь спальни скрипнула, приоткрывшись ровно настолько, чтобы в щель протиснулся боком сложившийся по вертикали пюпитр. Расправив нотную подставку, металлическое создание – аппарат, существо? – поскакало на трех ногах через смежные комнаты к выходу.

Несколько тоненьких никелированных палок. Неприятно.

– Джо пришел, – заметил Ал.

Через пару минут появился Сведен – запыхавшийся, спешащий. На его блекло-соломенных волосах таяли снежинки. Нечувствительный к холоду, Джо никогда не носил шапок и вообще довольно легко одевался всю зиму. Похоже, его предки действительно были северянами – но сам Джозеф если и напоминал шведа, то давно выродившегося и измельчавшего. Невысокий, щуплый, с белесым лицом и водянистыми голубоватыми глазами.

Пюпитр крался за ним, тихонько ползгивая каким-то плохо пригнанным сочленением.

– Дизз, – негромко отозвал его Альберт. – Привет, Джо.

– Госпожа Полянски заболела, – пробормотал, не поздоровавшись, Сведен. – Математичка, я ее заменял в седьмом и девятом классах. Пять часов без единого окна.

Фальски поморщился. Было бы слишком большой роскошью выслушивать сейчас бесконечные жалобы Джозефа. Ал понимающе кивнул и достал ноутбук. Не вставая, откуда-то из-за камина. Да, ну и квартирка. Хотя пора бы привыкнуть.

– Значит, так, – начал Филип. Сведен тем временем никак не мог устроиться на стуле, ерзая на сиденье и мучительно вздыхая. – Директор вчера намекнул, что если репетиции не начнутся через неделю, нас не поймут. Так что придется поработать, даже если это кому-то не нравится.

И что за тон я взял, подумал он. Действительно, старик, становишься занудой не хуже Шведа. Гениально создаешь подходящую обстановку для совместного творчества.

Он выдержал паузу, набрал воздуха и заговорил заново:

– Есть потрясающая идея, ребята. Ну, не то чтобы очень... Но вместе мы вытянем! Значит, так. Герой – обычный среднестатистический мужик: работа, жена, дети... Мелкий адвокат или учитель, если ты не против, Джо. Ни денег, ни надежд на будущее. И вот под Новый год...

Ал громко хмыкнул.

– У нас коммерческий проект, – жестко пояснил Филип. – Новогодняя история, в меру фантастическая, в меру сентиментальная. «Жизнь и мечта», одним словом. С названием я помучился дай боже, зато теперь под него можно подогнать все, что угодно. Не понравится – предлагайте свои идеи.

Черта с два они что-нибудь предложат. Идеи всегда принадлежали ему, и никому больше. Сведен был способен только выполнять черную работу, а Сон...

– И вот под Новый год к нему приходит незнакомец и обещает претворить в жизнь все его мечты. Все! А взамен просит...

– Душу, – равнодушно проронил Ал.

Внутри Филипа все взвилось, перевернулось и схватило Сона за горло. Это было уже слишком! Эти двое тянули до последнего, не могли найти времени, чтобы собраться, – с тех пор, как закончили «Снежинку и Музыканта», то есть уже больше полугода! Они, наверное, думают, что торговая марка «Сведен, Сон и Фальски» обеспечит им спокойную жизнь до глубокой старости,

– а между тем, если сорвется «Жизнь и мечта», это будет их последний контракт. Интересно, тогда Альберт тоже будет безмятежно ронять насмешки, протянув ножищи вдоль камина?

Он на мгновение стиснул в ниточку губы, а затем продолжил ровным голосом:

– В литературе не так уж много тем, Ал. Джо тебе скажет, сколько именно. Талант писателя или драматурга в том и заключается, чтобы заставить вечную тему звучать по-новому. Значит, так...

– Не психуй, старик, – перебил Альберт. – Меня другое интересует: как это практически?

– Что?

Альберт Сон встал, в одну секунду сделавшись гораздо убедительнее, и еще потянулся всем телом, задрал длинные ручищи.

– Объясни мне, Фил, – он смотрел на него чересчур сверху. – Каким образом этот самый незнакомец собирался исполнять мечты того парня. Чисто технически: как? Прости, но я пока что не понимаю. Я подумую, конечно...

Филип бессильно застонал сквозь зубы. Это повторялось каждый раз, от «Мужа» до «Снежинки». Как это делается, как практически... пока Альберт не объявлял, что во всем разобрался, пьеса не рождалась. Никогда, даже если Сведен и Фальски за его спиной сговаривались не обращать внимания на эти глупости. Не получалось, не писалось, даже не вымучивалось, – и они покорно ждали результатов эмпирических изысканий Ала. Но тогда было время

– время! – которого теперь катастрофически не хватало...

– Это неважно, Ал, – он старался, чтобы голос звучал безапелляционно, чего было трудно добиться, находясь где-то внизу. – Театр, как ты знаешь, – условное искусство. Есть масса постановочных фокусов, которые придадут эпизоду сценическую достоверность. Да что я объясняю, ты же у нас заканчивал режиссерские курсы! Кроме того, может, я неясно выразился, но воплощение в жизнь мечты в данном случае не стоит воспринимать конкретно, это просто символ...

Альберт Сон заложил руки за спину и теперь уже беспокойно заходил по комнате, меряя ее из угла в угол гигантскими шагами. Творческий процесс пошел. Только Фальски отнюдь не был уверен, что его это радует.

– Живой поупитр Музыканта в «Снежинке» – тоже символ, – горячо заговорил Альберт. – Но если бы на самом деле его не было, спектакль получился бы мертвым, можешь мне поверить!

Мерзкая железка высунулась из спальни и тут же юркнула обратно.

Филип передернул плечами. Идея с живым поупитром, – не рояль, не скрипка и не дирижерская палочка, что было бы банально, а именно поупитр, – возникла у него, у кого же еще. Разумеется, на сцене бутафорское устройство на шарнирах приводилось в движение с помощью невидимых нитей, как марионетка, что вполне устраивало зрителей. Уже после премьеры, зайдя к Альберту отпраздновать это событие втроем, по-домашнему, они с Джозефом были встречены в дверях этим... аппаратом?... существом?...

– Зрители не полные идиоты, – все больше распаляясь, продолжал Ал. – Они никогда не поверят в то, что в принципе невозможно...

До сих пор молча глядевший в камин Сведен вдруг заерзал и вскинул голову.

– Невозможно, – подтвердил он.

– Что?

Джозеф тоже встал.

– Это невозможно, я заранее предупреждаю, чтобы потом не было претензий. Я не напишу. За неделю... да вы с ума сошли оба. Сейчас такое время... контрольные, сочинения, диктанты... педсоветы постоянные... Конец четверти, вы это понимаете?!

Я кого-нибудь убью, обреченно подумал Фальски. Если не одного, то другого. Если не прямо сейчас, то через несколько минут. Если они и дальше...

Он поднял глаза и пересекся взглядом с Альбертом Соном.

Ал кивнул.

Он подошел к камину и, раскинув длинные руки, обнял обоих соавторов за плечи.

– Мы все вс? понимаем. Так что кончаем болтать и давайте работать, – он сел, открыл ноутбук, взглянул поверх него на настенные часы и добил Филипа лаконичной фразой:

– Потому что в семь часов меня ждут.

* * *

Она так и сказала в лицо Старика: меня ждут. Оделась и ушла под восхищенные взгляды Рокси и Вероники. В конце концов, формально у него не было никаких прав ее задерживать. А неформально... да ну его, не в первый и не в последний раз она портила отношения со Стариком.

Гораздо хуже, что ее никто и нигде не ждал.

Шел снег – не густая горизонтальная метель, как вчера, а мягкий, пушистый, плавно планирующий на замшевую перчатку большими резными снежинками. Сквозь снежную сетку весело светился разноцветными огнями центральный проспект города. Большинство магазинов уже украсили витрины новогодней атрибутикой – на взгляд Лары, рановато, но все равно приятно для глаз. Она подошла к одной витрине, где посыпанный блестками белый зайчик регулярно подавал Снегурочке большой стеклянный шар, но в тот момент, когда Снегурочкина

рука соприкасалась с лапкой зайчика, хмурый Дед Мороз поворачивал через плечо бородатую физиономию, и зайчик предусмотрительно отдергивал подарок. А шарик вертелся на серебряной нити, отражая смеющуюся Лару в белой шубке.

Очень даже здорово: вот так гулять под снегом, глазеть на витрины и потихоньку проникаться этим призрачно-радостным новогодним настроением. Когда все вокруг чуть-чуть ненастоящее, сверкают лампочки и гирлянды, а навстречу идут счастливые, поголовно счастливые люди, и все они видят тебя: юную, неотразимую, улыбающуюся, заснеженную и на высоких каблучках. Походка становится легкой-легкой, и можно придумать, что тебя действительно ждут в двух шагах впереди, за прозрачной белой пеленой, а еще вдохновенно нафантазировать, что вот-вот все переменится и станет немисливо замечательно...

Самый предательский праздник – Новый год.

И самое страшное в такой вечер – возвращаться домой.

На той стороне улицы вывеска кинотеатра «Красное и черное» мигала то красными, то почему-то зелеными лампочками. Чуть ниже светились одновременно и красными, и зелеными огнями четыре огромные цифры Нового года. Но афиш с названиями фильмов отсюда было не разглядеть из-за снега. Лара решила прогуляться до конца проспекта, а потом перейти на противоположную сторону и вернуться к кинотеатру. Если идет что-нибудь стоящее, можно и посмотреть, – в кино она не была года четыре, если не считать постоянных аккредитаций на премьеры. Вот, а потом, после фильма,

– это будет уже часов десять-пол-одиннадцатого, – неплохо бы пойти в ночное кафе, такое, где чашечка кофе стоит, как недорогая шляпка. И закатыть феерическую оргию, достойную этого вечера, и вовсе не нужно, чтобы кто-нибудь тебя ждал...

А вдруг? В такой вечер все может быть.

Вернее, в такой вечер кажется, что все может быть.

В конце концов, нужно только пережить этот мимолетный фантазмагорический промежуток времени, оставшийся до Нового года. Потом будет легче. Потом начнется обыкновенная зима.

На пути Лары внезапно возник миражом сказочный теремок театральной кассы. Что ж, посмотрим, что нам предлагают сегодня столичные театры. Это на тот случай, если в «Красном и черном» показывают безнадежную ерунду. Ходить в театр в одиночку – довольно грустное дело. Кассирша и гардеробщик, швейцар и продавщица программ, – все смотрят на тебя с непонятным сочувствием, словно девушка, за спиной которой не маячит джентельменистый пиджак, – существо несчастное и обиженное природой. Передышка на спектакль, – темнота в зрительном зале уравнивает всех, – а потом... антракт. Антракты придумали для тех посетителей, которым театр как вид искусства глубоко безразличен, а нужен мужчинам – как место выгула дам, а дамам – вечерних платьев. Вся эта публика либо устремляется в буфет, либо светски дефилирует по коридорам и лестницам, оживленно болтая и флиртуя, а ты слоняешься между ними, для приличия разглядывая фотографии актеров на стенах. Ты – и еще две-три молодящиеся старушки-театралки. Впору и самой почувствовать себя глубоко старой.

Так что Лара остановилась возле кассы исключительно из любопытства. Снежинки садились на стекло напротив какого-нибудь «Тартюфа» или «Укрощения строптивой» и, чуть помедлив на классике, сползали вниз уже бесформенными мокрыми комочками. А вдруг сейчас за спиной послышится вкрадчивый голос: «Вы любите театр? Разрешите пригласить вас на...» А что, она бы пошла. И не секунды не чувствовала бы себя чем-то обязанной. А дальше... мало ли что могло бы случиться дальше...

– Вы любите театр?

Отражение в стекле было высоким, темным и неясным, и на нем контрастно высветилось белое пятно ее шубки. Не оборачиваться. Потому что, – не в первый же раз! – если обернуться, невероятная сказка тут же исчезнет.

Лара обернулась.

Мальчишка оказался совсем молоденьким, лет семнадцати, длинным, худющим и прыщеватым. Нахальные маленькие глазки, толстые губы в морозных трещинах и дешевая папироска в углу рта.

Лара сузила глаза и ответила холодно и уничижительно:

– Люблю, но к вам это не имеет никакого отношения.

Если немедленно отойти от кассы, пацан мог бы расценить это как бегство и, чего доброго, увязаться следом. Поэтому она только сделала несколько шагов в сторону и завернула за угол театрального теремка. Вот так всегда. Какой-нибудь переросток спугнет романтическое настроение, и огни проспекта начинают светить тусклее, и снег тает, налипая на сапожки, и в кино хочется все меньше и меньше... И вообще: может быть, домой?..

С этой стороны кассы за стеклом висела только одна афиша. Большая, аляповатая, помпезная. «Спешите взять билеты! Новогодняя премьера! Сведен, Сон и Фальски. «Жизнь и мечта».

Еще и это! Вечер безнадежно потерял всякую привлекательность. Мокрый снег сыпал прямо в лицо, размывая тушь на ресницах, порыв промозглого ветра проник в рукава, и Лара со вздохом прикинула расстояние до метро. Все на свете несправедливо, ты чужая на празднике жизни, к тому же и праздника никакого нет и в помине.

Сегодня утром она положила на стол Старика неплохую корреспонденцию на двести полновесных строк, где нашли свое место и шуточки Сона с Фальски, и личные откровения Артура Клариджа, и восторженные, с некоторым рекламным привкусом, эскапады директора театра. Словом, все, что можно было выжать с той проклятой прессухи. Старик материал понравился, – а как же иначе, все-таки она Лара Штиль, и она легла спать в полчетвертого, – Старик поставил его в номер на третью полосу основательным подвалом, и все было бы нормально. Если бы уже вечером только-только заявившаяся в редакцию Вероника не протянула сладким голоском, – в присутствии Старика, конечно: «Лара, дорогая, а я видела тебя по телевизору! Во всех новостях показали, как ты берешь интервью у того высокого... у Альберта Сона!» Перед этим Вероника успела, разумеется, взглянуть одним глазом на гранки уже ушедшего в типографию номера.

Старик ледяным голосом предложил Ларе выйти, – но, как обычно, никуда не пошел, а прямо в отделе сорвался и устроил ей скандал минут на двадцать пять, не меньше. После чего приказал немедленно садиться за компьютер разбирать сообщения информагентств, поскольку ни на что другое она, Штиль, патологически не способна.

Было бесполезно напоминать ему, что она пришла на работу в девять утра, сдала вполне сносный и одобренный материал, написала четыре заметки по агентствам и съездила на заказное интервью к министру культуры. Бесполезно жаловаться на вероломство драматурга, бессонную ночь и металлических мух перед глазами. И выдернуть пару пучков мелированных волос Вероники тоже бесполезно, – а жаль.

Лара подождала, пока словарный запас Старика исчерпается, коротко сказала «меня ждут», оделась и ушла.

Хотя на самом деле никто и нигде ее не ждал.

Становилось все холоднее. Она засунула левую руку за пазуху шубки, а в правой все равно была сумочка, и пальцы уже навряд ли когда-нибудь добровольно разогнутся и отпустят ручку. А метро располагалось в самом конце проспекта, туда еще топтать и топтать, и было странно вспомнить, как полчаса назад она собиралась запросто прогуляться из конца в конец, чтобы вернуться к кинотеатру. Шарфик сполз, открывая голую шею, поправить его без зеркала вряд ли бы удалось, и Лара, с сожалением вынув из-за пазухи руку, прижала к подбородку меховой воротник. Вид, наверно, как у мокрой ошипанной курицы на снегу.

И наплевать.

Слева вдруг пахнуло теплом с крепким запахом кофе. Лара остановилась. В этих помпезных забегаловках в центре города кофе стоит, как вполне приличные перчатки. В то время как дома она может выпить его совершенно бесплатно... часа через полтора, не раньше.

Ну хорошо. В счет гонорара за ту несчастную корреспонденцию.

И ей было совершенно все равно, как называется это кафе, который теперь час и врал ли ей высокий человек со светлой бородкой и хитро прищуренными глазами, пообещавший, помнится, ждать.

* * *

Он сказал, что придет вовремя, и на том конце провода Марша серьезно пообещала ждать.

Франсис повесил трубку и откинулся в кресле. Собственно, на сегодня работа уже закончилась, и все об этом знали. Кроме Вик, естественно.

Последнюю сегодняшнюю пресс-конференцию давал Склавиньский, известный скандалист, попиратель авторитетов и осквернитель национальных святынь. Накануне Вик страшно переживала, что его очередное шоу для журналистов может выйти за рамки приличий и плавно перетечь в безобразное рукоприкладство. А ей вполне хватило вчерашней давки из-за билетов, – сдержанно повторяла начальница, балансируя на грани срыва и наводя тем самым ужас на сотрудников. Девушку, задержавшуюся вчера с объявлением об аккредитации, Вик чуть было не уволила, – и уволила бы, если б не Франсис. Он единственный в пресс-центре умел находить пути к спрятанному за железной броней нежному женскому сердцу шефини.

Но все прошло нормально. Склавиньский уже порядком поднадоел публике, и на столе перед ним даже через четверть часа после официального начала конференции выстроилось всего три диктофона и один старенький микрофон допотопной телекамеры местного канала. Журналисты тоскливо поглядывали в окно, отчаявшись услышать что-нибудь жареное или хотя бы новое, а телевизионщики вообще смылись через двадцать минут. Чего ж ты хотел, парень, – подумал Франсис, провожая Склавиньского после прессухи к выходу,

– святыни и авторитеты рано или поздно должны были закончиться. Особенно если целых полгода так интенсивно их попирали и оскверняли.

Проводив гостя, Франсис позвонил Марше, а затем достал из ящика письменного стола пачку газет. Газеты были вчерашние, но в одной из них он еще утром приглядел большой, на всю последнюю полосу, кроссворд. Сражение с этим монстром должно было с пользой убить оставшиеся полтора часа рабочего времени.

– Господин Брассен, чем это вы тут занимаетесь?

Франсис вскинул голову, – конечно же, над ним стояла незаметно подошедшая – подкрававшаяся? – Вик.

То есть генеральный директор пресс-центра госпожа Викторина Хиггинс.

– Просматриваю прессу, госпожа Хиггинс, – как ни в чем не бывало ответил Франсис, правой рукой виртуозно переворачивая газету первой полосой вверх, а левой неотразимо поглаживая усы. Вик должна растаять, или он теряет квалификацию.

Вик растаяла и даже улыбнулась.

– Шел бы ты домой, Франсис, – внезапно посоветовала она, и девушки за соседними столами резко повернули головы, как если бы в офис вошел одетый в пижаму Артур Кларидж. Франсис и сам крайне удивился, но упускать момент было бы глупо и не по-джентльменски.

– Как скажете, госпожа Хиггинс, – учтиво ответил он, вставая. И добавил негромко и по-человечески:

– Хорошо, что со Склавиньским обошлось.

Начальница кивнула и вышла из офиса. Для ее возраста у нее была очень даже неплохая фигура, особенно ноги. Особенно со спины.

Франсис спустился на улицу и направился к пресс-центровской стоянке. На машину уже навалило толстое одеяло снега, хотя по идее его регулярно счищали подрабатывающие тут мальчишки. Он натянул кожаную перчатку и ладонью смахнул снег с гладкого темно-вишневого корпуса. Машину подарила Марша. Вернее, родители Марши – на свадьбу, – но идея была ее. И теперь все свои карманные деньги она неизменно тратила на подарки мужу, хотя Франсис неоднократно пытался раз и навсегда авторитарно запретить ей это. А теперь вот жена решила устроиться на работу, – так что платиновые авторучки и эксклюзивные галстуки от ведущих модельеров посыплутся на него сплошным потоком, хочет он того или нет. Пухленькая глупышка Марша. Франсис улыбнулся. Надо же – если бы он тогда не начал ухаживать за ней назло длинноногой красотке-вамп по имени Линда, редкой, кстати, стерве и шлюхе, – мог бы за здорово живешь пропустить свою женщину. Свою. Единственную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.